

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

ГЛАВА 1. РЕГУЛИРОВАНИЕ РОБОТОТЕХНИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: СТОЛКНОВЕНИЕ ЭТИКИ И ЗАКОНА

Проблема соотношения этики и права во взаимоотношениях, связанных с робототехническими технологиями, постепенно приобретает актуальность в современном правовом поле. При этом ряд авторов указывает, что этическая сторона вопроса применения систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) вовсе не является следствием развития технологий последних десятилетий [138, с. 87]. Подобные вопросы поднимались в ряде классических работ, касающихся машинного интеллекта ещё задолго до того, когда актуальность рассматриваемой проблемы приобрела значительные масштабы.

Сегодня большинство исследователей не отрицают необходимости рассмотрения вопросов соотношения права и этики во взаимоотношениях с ИИ. В частности, Г.А.Серобян, А.А.Яковенко отмечают, что «нормативная регламентация внедрения и использования систем ИИ несёт с собой очень важную составляющую, которая должна привнести некую определённую специализацию, занимающимся разработкой и, что ещё более важно – использованием систем ИИ». По мнению авторов, «этическая сторона вопроса стоит здесь наряду и с иными фундаментальными аспектами использования ИИ» [254, с. 43].

В.Э.Карпов, В.М.Готовцев, Г.В.Ройзензон считают, что «суть этичности интеллектуальных систем заключается в том, что, принимая критически важные для человека решения, интеллектуальные системы должны использовать этические императивы, рассматривая их как некие поисковые эвристики» [138, с. 84]. Также исследователи рассматривают вопросы достаточности современных моделей, методов и технологий для формализации этических понятий и отмечают, что основной проблемой является процедура верификации ИС на соответствие этическим нормам. В качестве основной формы верификации авторы предлагают использование комплексных тестов Тьюринга [138, с. 100].

Ю.В.Назарова, А.Ю.Каширин указывают, что одной из основных проблем, связанных с раскрытием этико-правовых вопросов в области ИИ, является отсутствие необходимой правовой базы для применения ИИ. Также проблемы рассмотрения указанных выше вопросов заключены в «низком уровне популяризации возможностей ИИ и оценки возможных этических рисков ИИ в текущей экономической, политической, технологической, социальной ситуации в нашей стране, что ставит под

сомнения попытки создания эффективного этического кодекса для ИИ» [208, с. 29].

Углубляясь по большей части в рассмотрение этических вопросов, авторы выделяют «основные дилеммы этики ИИ, определяющие характер общезначимых глобальных проблем, связанных с его технологиями» [208, с. 28]. К таким дилеммам авторами отнесены:

- «– дилемма обезличивания;
- дилемма приватности;
- дилемма творчества;
- дилемма туннеля;
- дилемма справедливости;
- дилемма виртуальности;
- дилемма зависимости» [208, с. 28-29].

Однако в литературе имеются позиции, согласно которым говорить об этике в разрезе соотношения ее с робототехникой не представляется возможным. Так, А.В.Разин считает, что «этика непосредственно начинается тогда, когда появляется способность реагировать на собственные ошибки, осуществлять рефлексию поведения, учитывая при этом мнения других людей. Такая же принципиальная возможность ошибки должна быть заложена и в работу искусственного интеллекта, чтобы можно было говорить об его этике в собственном смысле слова. Должны быть также выполнены условия коммуникации машин, их взаимных оценок и наличия у них феноменального опыта» [233, с. 57]. Однако здесь с автором нельзя полностью согласиться, поскольку этические аспекты поведения роботов выступают результатом программного комплекса, на основе которого они функционируют. Подобные комплексы создаёт человек разумный, отрицать этические основы которого не представляется возможным.

Для того чтобы понять, насколько острым может быть столкновение этики и права в процессе регулирования робототехнических технологий, необходимо рассмотреть отраслевые особенности применения ИИ. Достаточно широко подобные вопросы освещены в работах зарубежных правоведов.

Так, группа авторов рассматривала в своих работах вопросы соотношения этики здравоохранения и права с участием робототехнических средств [355]. Исследователи указывают, что конфиденциальность является очень важным этическим вопросом в контексте здравоохранения. Так, например, используя киберфизические системы, нужно найти компромисс между необходимым контролем за больным и обеспечением уровня конфиденциальности. Относительная важность каждого из данных процессов варьируется в зависимости от человека и часто отличается в разных ситуациях. Например, в отделении интенсивной терапии мониторинг киберфизической системы в ущерб конфиденциальности

является незначительной проблемой по сравнению с менее экстренными ситуациями. Однако, для специализированных органов достаточно сложно обеспечивать надзор за качеством, точностью и вопросами конфиденциальности киберфизических систем. В частности, как пациенты могут быть уверены, что их данные не передаются или не продаются третьим лицам, особенно фармацевтическим компаниям и медицинским страховщикам, для которых личные данные о здоровье имеют высокую ценность? [365]. Кроме того, личные данные пациентов также могут быть преднамеренно или непреднамеренно переданы в случае взлома системы лечебного учреждения. Поэтому обеспечение безопасности использования киберфизических систем в медицинской практике является важным этическо-правовым аспектом [351].

С конфиденциальностью связана медицинская профессиональная тайна. Можно было бы задаться вопросом, существует ли все ещё медицинская профессиональная тайна в мире, в котором киберфизическая система интегрирована в жизнь и здравоохранение [396].

Этическая дискуссия может быть проведена по вопросам, можно ли сопоставить ценность улучшения системы здравоохранения и снижение уровня конфиденциальности и медицинской профессиональной тайны.

Ещё одним вопросом выступает приемлемость использования киберфизических технологий в здравоохранении [398]. Люди могут отказаться от того, чтобы их диагностировал робот, или не захотят доверить свою жизнь во время операции автономной машине. Люди могут потребовать, чтобы определённые функции выполнялись людьми, даже если имеются технологические альтернативы. Важным, соответственно, выступает вопрос, готовы ли пациенты к применению киберфизических технологий в здравоохранении, которые заменяют отношения между пациентом и врачом отношениями между пациентом и машиной. Какое влияние это изменение оказывает на пациентов? [372].

Использование таких технологий, как *m-health* и носимые устройства, вводит новые формы медицинского наблюдения в жизнь людей. Пациенты могут не приветствовать эти технологии для персонализированной и профилактической медицинской помощи. Дело в том, что данные технологии уделяют повышенное внимание вовлечению в процесс лечения и активизации пациентов, что может привести к большей индивидуализации ответственности за своё здоровье. Это касается расширения прав и возможностей пациентов: люди получают контроль (самоуправление) над решениями и действиями, касающимися их здоровья. Однако те, кто не желают или не способны самостоятельно управлять своим здоровьем, могут подвергнуться стигматизации, также это может оказать негативное влияние на социальную солидарность в медицинском страховании, что приведёт к более персонализированной политике страхования и, как следствие, к удорожанию стоимости страховки [351].

Роль роботов в диагностике тоже ставит некоторые этико-правовые вопросы. Диагнозы будут гораздо чаще основываться на данных. В чем опасность действий только на основе данных? Здесь отсутствует личностное отношение врача и пациента, имеет место так называемая заочная постановка диагноза, что может привести к неправильно назначенному лечению [396].

Киберфизические системы также позволяют восполнять утраченные человеческие функции, например с помощью экзоскелетов, совершенствовать человеческую личность. Совершенствование человека ставит этические вопросы на грани между человеком и машиной. В рамках медицинских манипуляций может производиться имплантация людям датчиков, используемых, например, для повышения их человеческих возможностей. Врачи могут использовать киберфизические системы для восстановления функций или возможностей человека. Но этический вопрос заключается в следующем: где медицинский работник должен остановиться на улучшении людей? Ведь если усовершенствованный человек почувствует свою силу и преимущества перед другими людьми, он может перейти границы дозволенного поведения, а это уже будет выступать как столкновение этических и правовых норм [402].

Автономия человека – это ещё один этический аспект. Пациенты часто находятся в зависимом положении, получая то или иное лечение в условиях стационара. Киберфизические системы, особенно автономные, должны быть настроены на уважение автономии пациента. Известно, что пациент может легко сообщить о своих желаниях людям, но по ряду причин не так легко общаться с киберфизической системой [390].

Также зарубежными авторами рассмотрены этико-правовые вопросы применения робототехнических технологий в области энергетики и жизнеобеспечивающих инфраструктур. Авторы указывают, что существует несколько сценариев, которые могут позволить найти баланс между правовыми, социальными и этическими аспектами. Например, невозможность оплатить счёт за электроэнергию приведёт к отключению от сети, хотя в одной семье могут быть несовершеннолетние дети и другие лица, жизненно нуждающиеся в ней. Однако, с помощью мелкозернистого мониторинга и контроля в интеллектуальной сети можно снизить потребление электроэнергии в таких случаях до уровня, когда, например, можно поддерживать полностью функционирующий холодильник с необходимыми продуктами питания, но не допускать использования электроэнергии для развлекательных целей (например, телевидения). Таким образом, новая инфраструктура при правильном использовании может обеспечить более справедливый подход к различным социальным, правовым и этическим ситуациям, с которыми сегодня невозможно эффективно справиться.

Интеллектуальная сеть позволит собирать информацию об использовании энергии на беспрецедентном уровне, который ранее был невозможен. Эта информация ценна для заинтересованных сторон энергетической системы, а также для лиц, определяющих политику, например, для мониторинга воздействия политики в области энергоэффективности. На основе этих данных могут быть разработаны новые предложения по продажам для коммунальных служб, а также производителей устройств, и потребители станут более осведомлёнными об их потреблении энергии и, следовательно, об их воздействии на окружающую среду [340].

Возникает вопрос о том, будет ли разрешено использование этой информации, на каком уровне детализации и кто будет ее пользователем. Кроме того, если пользователь соглашается передать личные данные энергетической организации, чтобы получить какую-то дополнительную услугу, то как он может по-прежнему контролировать эти данные или предотвращать их неправильное использование? [347].

Управление жизненным циклом данных в энергосетях является одной из наиболее сложных и важных проблем в цифровую эпоху, которая, однако, не решается должным образом. Системы условно можно разделить на инфраструктуру распределения энергии, устройства, поставляющие энергию в сеть и извлекающие энергию из неё, и программное обеспечение, влияющее на эти устройства и работу распределительной сети. Физическая инфраструктура, вероятно, останется собственностью оператора распределительной системы. Однако подключённые устройства, принадлежащие отдельным лицам и их группам, окажут значительное влияние на работу сети. Устройства управляются их владельцами с помощью сознательных решений, а также определённых алгоритмов. Это вводит новые человеческие, а также автоматизированные акторы в сетевую работу [347].

На данный момент неясно, кто будет нести ответственность за влияние на рассматриваемую сеть, которое оказывают эти автоматизированные субъекты. Это может привести не только к возможным негативным последствиям, таким как отключение электроэнергии, если оператор не сможет контролировать вновь вводимые динамические модели поведения, но и к позитивным последствиям, таким как решение проблем коллективных действий. В частности, например, кто получит вознаграждение за улучшение стабильности сети.

Поскольку почти каждая деятельность, которую мы осуществляем, требует от нас потребления электрической энергии, а часто и электричества, тщательный мониторинг энергопотребления всех наших устройств и мероприятий имеет серьёзные последствия для конфиденциальности. Например, было продемонстрировано, что можно определить уровень просмотра того или иного фильма, проанализировав структуру

энергопотребления телевизора [363]. Возникает вопрос, кому принадлежат данные, которые генерируют их устройства. В настоящее время такие данные хранятся на платформе производителей устройств, в то время как данные интеллектуальных счётчиков часто хранятся в помещениях оператора сети.

Смогут ли потребители иметь доступ ко всем своим данным независимо от поставщика хостинга? Разрешено ли операторам платформ продавать (агрегированные) данные в коммерческих целях? На каком уровне детализации должны быть эти данные, чтобы сохранить конфиденциальность, но при этом иметь значение для агрегированного анализа, например, сценариев прогнозирования, профилактического обслуживания и т.д.? Кроме этических вопросов, здесь значительную роль играют и правовые отношения, связанные с несанкционированным доступом к личной информации.

Также зарубежные авторы рассматривают этико-правовые вопросы, связанные с применением робототехнических технологий в сфере транспорта и логистики, такие вопросы в целом касаются ответственности. Если автомобиль является автономным, по-прежнему существует необходимость в том, чтобы «водитель» или пассажир автомобиля несут ответственность за его эксплуатацию. Если автономный механизм автомобиля выходит из строя и пассажир берет управление на себя, то ему (пассажиру) необходимо иметь возможность принять меры и нести ответственность за эти действия [388].

Точно так же кто-то должен отвечать за техническое обслуживание автомобиля, чтобы гарантировать безопасность используемых систем. Для безопасной эксплуатации и оптимизации дорожного движения необходим сбор данных о том, где находится автомобиль, куда он едет и с какой скоростью движется. Это затрагивает вопросы конфиденциальности, которые необходимо решать на уровне той или иной страны; поскольку в странах существуют различные взгляды на конфиденциальность, а также различными являются нормативные и политические интересы страны (например, в Германии конфиденциальность – очень важная тема, и технология не может быть использована для отслеживания автомобилей, в то время как во Франции это разрешено законом) [375].

Кроме того, проблема человека в деятельности автономного автомобиля может вызвать некоторые этические проблемы. Многие из предполагаемых целей автономного вождения транспортных средств, таких как нулевая смертность, могут быть достигнуты только путём разработки систем передачи критически важной информации и поддержки процессов принятия решений водителями, пилотами и другими операторами транспортных средств и инфраструктуры.

Соответственно, с ростом сложности взаимодействия людей с киберфизическими системами возникает необходимость в разработке

передовых этико-правовых моделей взаимодействия человека и машины, а также, в более широком смысле, взаимодействия человека и кибернетики (между людьми и компьютерами, опосредованного системой).

Этико-правовую проблему эксплуатации автономных транспортных средств также развивают в своих трудах другие зарубежные авторы [350]. Так, исследователи считают, что с быстрым развитием искусственного интеллекта появились опасения по поводу того, как машины будут принимать моральные решения. В этой связи обострилась основная проблема количественной оценки ожиданий общества относительно этических принципов, которые должны регулировать поведение машин. Для решения данной проблемы группа авторов создала «Моральную машину» – онлайн-экспериментальную платформу, предназначенную для исследования моральных дилемм, с которыми сталкиваются автономные транспортные средства [336].

Вопросы, размещённые на указанной онлайн-платформе, авторы сопроводили следующей преамбулой: «Мы вступаем в эпоху, когда перед машинами стоит задача не только способствовать благополучию и минимизировать вред, но и распределять благополучие, которое они создадут, и вред, который они не могут устранить. Распределение благополучия и вреда неизбежно создаёт компромиссы, разрешение которых попадает в моральную область» [336].

Участникам эксперимента было предложено ответить на ряд каверзных вопросов, связанных с необходимостью морального выбора. Вот один из них: «Подумайте об автономном транспортном средстве, которое вот-вот разобьётся и не сможет найти траекторию, которая спасла бы всех. Должен ли он свернуть на одного гуляющего подростка, чтобы пощадить трёх пожилых пассажиров?» [336]. Авторы отмечали, что даже в более распространённых случаях, когда вред не неизбежен, а просто возможен, автономным транспортным средствам необходимо будет решить, как разделить риск причинения вреда между различными заинтересованными сторонами на дороге.

Производители автомобилей в настоящее время борются с этими моральными дилеммами в значительной степени потому, что они не могут решиться с помощью каких-либо простых нормативных этических принципов.

Ряд исследователей отмечает, что автономные транспортные средства скоро будут курсировать по нашим дорогам, что потребует соглашения о принципах, которые должны применяться, когда неизбежно возникают опасные для жизни дилеммы. Частоту возникновения этих дилемм чрезвычайно трудно оценить, так же как трудно оценить скорость, с которой люди-водители оказываются в сопоставимых ситуациях. Водители-люди, погибающие в авариях, не могут сообщить, сталкивались ли они с

дилеммой; и водители-люди, пережившие аварию, возможно, не осознавали, что они оказались в ситуации дилеммы.

Решения об этических принципах, которыми будут руководствоваться автономные транспортные средства, не могут быть оставлены исключительно инженерам или специалистам по этике. Обеим группам: и потребителям чтобы перейти от традиционных автомобилей, управляемых человеком, к автономным транспортным средствам, и широкой общественности чтобы принять распространение робомобилей на своих дорогах – необходимо будет понять истоки этических принципов, которые запрограммированы в этих транспортных средствах [348]. Другими словами, даже если специалисты по этике согласятся с тем, как автономные транспортные средства должны решать моральные дилеммы, их работа будет бесполезной, если граждане не согласятся с их решением и, таким образом, откажутся от будущего, которое обещают автономные транспортные средства вместо статус-кво. Любая попытка разработать этику искусственного интеллекта должна быть, по крайней мере, основана на общественной морали.

Соответственно, необходимо оценить социальные ожидания относительно того, как автономные транспортные средства должны решать моральные дилеммы. При этом правовой вопрос также выходит здесь на первый план.

Наиболее серьёзное столкновение этики и права происходит в военной сфере, когда речь идёт о военных разработках в области робототехники. В ноябре 2012 года громкие общественные дебаты по поводу права и этики автономных систем вооружения (далее – АСВ) были инициированы выпуском двух совершенно разных документов двумя совершенно разными организациями.

Первым из них является политический меморандум по АСВ, выпущенный Министерством обороны США (DOD). Основными целями документа являются, во-первых, установление политики Министерства обороны в отношении разработки и использования автономных и полуавтономных функций в системах вооружения и, во-вторых, создание «руководящих принципов, направленных на минимизацию вероятности и последствий сбоя в автономных и полуавтономных системах вооружения, которые могут привести к непреднамеренным боевым действиям» [391].

Директива определяет термины искусства, и, в частности, значение «автономного» и «полуавтономного» в отношении оружия, и целей в международном праве вооружённых конфликтов (ПВК) – своде международного права, также известном как международное гуманитарное право, регулирующее ведение войны. В качестве политической директивы он предусматривает особые требования к АСВ, которые могут быть в разработке сейчас или в будущем. Но его сущность включает следующее: АСВ должна быть разработана таким образом, чтобы «позволить

командирам и операторам осуществлять соответствующий уровень человеческого суждения о применении силы» [391].

Постепенное увеличение автоматизации систем вооружения американскими военными (с учётом длительной исторической перспективы) восходит, по крайней мере, ко Второй мировой войне и ранней разработке механических устройств обратной связи для улучшения цели зенитных орудий.

Человечество в своём манифесте самым решительным образом призывало к полному, упреждающему запрету на разработку, производство, передачу, продажу или использование любых «полностью автономных» АСВ. Она призвала к заключению международного договора для введения этого всеобъемлющего, упреждающего запрета. Таким образом, потеря человечности – это, в первую очередь, обсуждение законодательной базы по поводу оптимальной разумной политики и правовых толкований для обеспечения того, чтобы современные новые системы вооружений были законными в той или иной обстановке на поле боя.

Сегодняшняя международная пропагандистская кампания, направленная на заключение договора о полном превентивном запрете, рисует ужасную картину будущей войны, если нынешние тенденции к автоматизации и искусственному интеллекту в системах вооружений не будут пресечены в зародыше. Защитники делают смелые заявления, неявно или явно, о будущих возможностях и ограничениях технологий. И эта общественная пропаганда призывает к тому, что способ предотвратить будущее, в котором роботы-убийцы выйдут из-под контроля человека, – это ввести сегодня полный запрет на АСВ.

Директива Министерства обороны США определяет АСВ как «систему вооружения, которая после активации может выбирать и поражать цели без дальнейшего вмешательства человека-оператора» [353]. Далее директива определяет «полуавтономную систему вооружения» как ту, которая «после активации предназначена только для привлечения отдельных целей или конкретных целевых групп, выбранных оператором-человеком» [353].

В очень абстрактном смысле любое оружие, не требующее участия человека-оператора, можно рассматривать как АСВ. Противопехотные мины были бы простым примером оружия, которое срабатывает без участия человека-оператора. Концептуально, по крайней мере, такие мины могли бы соответствовать определению автономии. Однако АСВ в сегодняшних дебатах относятся к технологически сложным системам, в которых возможности для «выбора среди альтернатив» являются специфическими.

Растущая автоматизация в оружейной технологии является результатом прогресса в области сенсорных и аналитических возможностей и их интеграции в военные операции. Некоторые из этих технологий очень специфичны для требований военного поля боя, но большая часть из них

является просто новой военной технологией, которая находит широкое применение в обществе в целом.

Система оружия, отвечающая определению «полной автономии», по своей сути или неизбежно является незаконной в соответствии с LOAC. Первоначальная оценка полностью автономного оружия показывает, что такие роботы, по-видимому, не способны соблюдать ключевые принципы международного гуманитарного права. Они были бы не способны следовать правилам различия, соразмерности и военной необходимости... Полная автономия лишила бы гражданских лиц защиты от последствий войны, гарантированной законом [368].

Эксперты LOAC приводят аргументы в пользу упреждающего запрета (или даже значительно усиленных ограничений) АСВ. Причина этому в том, что законность систем оружия основывается на трёх фундаментальных правилах.

Во-первых, система оружия не может быть неизбирательной по своей природе.

Во-вторых, законная система оружия не может быть такой природы, чтобы причинять «ненужные страдания или поверхностные повреждения». Это положение направлено на защиту комбатантов от ненужных или бесчеловечных страданий, таких как снаряды, наполненные осколками стекла, которые не могут быть обнаружены с помощью рентгеновского снимка раны. Это правило применяется исключительно к комбатантам, а не к гражданским лицам (которые защищены другими положениями закона о вооружённых конфликтах).

В-третьих, система оружия может считаться незаконной сама по себе, если вредные эффекты оружия не поддаются контролю. Правило, запрещающее оружие с неконтролируемыми вредными эффектами, является парадигматически биологическим оружием, в котором вирус или другой биологический агент не может контролироваться или содержаться; как только он высвобождается, дальнейшая его траектория движения лишена какой-либо системы. Опять же, несмотря на то что многие правила LOAC запрещают использование оружия в обстоятельствах, которые могут иметь неконтролируемые последствия, планка, позволяющая сделать само оружие как таковое незаконным, высока.

По этому вопросу ведутся споры, но многие эксперты LOAC считают, что эти правила не делают систему оружия как таковую незаконной только потому, что она автономна. Однако, даже если система оружия сама по себе не является незаконной, она все равно может быть запрещена в некоторых, даже в большинстве, боевых условиях, в частности, при использовании на конкретном поле боя.

Но в других обстоятельствах оружие также может быть законным. Здесь вопрос заключается не в том, хороши или плохи сами по себе новые технологии, а в том, каковы обстоятельства их использования. Закон о

нацеливании регулирует обстоятельства применения законного оружия и включает три основных правила: дискриминация (или различие), соразмерность и меры предосторожности при нападении. Различие требует, чтобы участник боевых действий, используя разумные в данных обстоятельствах действия, проводил различие между комбатантами и гражданскими лицами, а также между военными и гражданскими объектами. Хотя использование автономных систем оружия само по себе не является незаконным, требование к их законному использованию – способность отличать законные цели от неправомερных – может сильно варьироваться от технологии одной системы оружия к другой. Некоторые алгоритмы, датчики или аналитические возможности могут работать хорошо, другие – плохо. Такие возможности измеряются в отношении конкретных видов применения в конкретных условиях поля боя; «контекст и среда, в которых функционирует система оружия, играют значительную роль в этом анализе» [397].

Соразмерность требует, чтобы разумно ожидаемое военное преимущество операции было сопоставлено с разумно ожидаемым ущербом для гражданского населения. Как и в случае с принципом разграничения, существуют оперативные условия: воздушный бой над открытой водой, танковая война в отдалённых необитаемых пустынях, корабельная противоракетная оборона, подводные противолодочные операции, например, в которых гражданские лица вряд ли будут присутствовать и которые с практической точки зрения не требуют очень сложного взвешивания военного преимущества против вреда для гражданского населения. И наоборот, в таких условиях, как городская война, пропорциональность, вероятно, создаст очень трудные условия для машинного программирования, и вопрос о том, могут ли такие системы когда-нибудь быть разработаны, остаётся открытым.

Необходимость санкционирует насильственные военные действия, но также ограничивает их последствия. Различие разрешает нападения на некоторых лиц, но также ограничивает последствия нападений, ограничивая тех, кто может быть непосредственно нацелен.

Соразмерность разрешает нападения, которые могут привести к причинению вреда или гибели гражданского населения, но она также ограничивает масштабы допустимого сопутствующего ущерба. Человечество стремится облегчить бремя тех, кто оказался в ловушке вооружённого конфликта, но оно делает это, ссылаясь на последствия, которые те или иные действия оказывают на этих людей.

Однако следует признать, что даже при отсутствии запрета на использование летального автономного оружия этико-правовые вопросы его применения должны выходить на первый план.

Таким образом, следует заключить, что столкновение этики и права при использовании робототехнических технологий сегодня имеет место

практически во всех отраслях. В этой связи необходимо определить, насколько принципы морали превалируют над правом, для того чтобы безосновательно не исключить момент правовой ответственности в том случае, если ИИ или его применение переходит рамки дозволенного в области человеческих правоотношений и может в ближайшей или отдалённой перспективе нанести вред лицам, причастным к его применению или эксплуатации